

Софья Гармония

Императорские браки: цена короны

Софья Гармония

**Императорские
браки: цена короны**

«Автор»

2026

Гармония С.

Императорские браки: цена короны / С. Гармония — «Автор»,
2026

Джудит Хайтауэр хранила в сердце любовь к кронпринцу империи
Скайспир, Николасу Регулусу. Их бурный роман не привёл к союзу: судьба
распорядилась иначе — Джудит вышла замуж за Анастасиуса, тогда как
Николас связал свою жизнь с Реймисс Экхарт.

© Гармония С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
«День смотрин»	5
Глава 2	7
«Тишина, которая кричит»	7
Глава 3	9
«Белое платье и тишина»	9
Глава 4	11
«День, когда мир стал тише»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Софья Гармония

Императорские браки: цена короны

Глава 1

«День смотрин»

Ветер с гор гнал по каменным плитам дворца сухие листья и запах гари — где-то на дальних пастбищах драконы снова жгли траву, будто напоминая, кто на самом деле правит этими землями. Николас Регулус стоял у парапета, не глядя вниз, туда, где собирались гости. Ему казалось, что каждый их шаг отдаётся в груди тяжёлым эхом: ещё немного, и его жизнь перестанет принадлежать ему. Восемнадцать лет. Возраст, когда кронпринц обязан выбрать не сердце, а выгоду. — Ты выглядишь так, будто тебя ведут на плаху, а не на смотрины, — прошептал рядом император, поправляя тяжёлый плащ с вышитыми драконами Регулусов. — Реймисс Экхарт — умная, спокойная, из сильного дома. Союз с Экхартами укрепит северные границы. Ты понимаешь это, сын? Николас кивнул, но слова застряли в горле. Он знал всё, что ему положено знать: о политике, о долге, о том, как важно не показывать слабость. Но он не знал, как спрятать то, что рвалось наружу каждый раз, стоило ему подумать о Джудит. Он невольно бросил взгляд на восточную галерею, где должны были появиться Хайтауэры. Дом Хранителей Драконов всегда держался чуть в стороне от придворного блеска: им не нужны были шёлк и золото, чтобы внушать уважение. Их сила была в другом — в рёве, который сотрясал землю, в пламени, способном сжечь целую крепость. И вот они появились. Эрмунд Хайтауэр шёл первым — высокий, прямой, с лицом, будто высеченным из камня. Говорили, что он стал ещё суровее с тех пор, как умерла его жена: теперь он видел в каждом шаге детей отражение долга перед древним обетом их дома. За ним следовали его дети: Гвейн с насторожённым взглядом, будто он каждую секунду оценивал, где может скрываться угроза; Дейрон, который будто старался казаться старше своих лет, копируя отцовскую сдержанность; тихая Маргарет, прижимавшая к себе маленький амулет — единственную вещь, оставшуюся от матери. И, наконец, Джудит. Джудит Хайтауэр. Семнадцать лет, упрямая, быстрая, словно молния, и такая же опасная. Дочь Эрмунда, наследница древней клятвы, хозяйка Вхагара — самого большого дракона со времён Древних. Говорили, что Вхагар помнит времена, когда горы были ниже, а небо — ближе. И Джудит была ему под стать: в её взгляде не было страха, только вызов. Она шла рядом с отцом, прямая, с высоко поднятой головой, в тёмно-синем платье, расшитом серебряными нитями — цвета дома Хайтауэр. Рядом с ней Вхагар казался не зверем, а живой бурей: его чешуя отливала чёрным и багровым, дыхание оставляло в воздухе тонкие нити жара. Даже здесь, в сотнях шагов от него, Николас чувствовал этот жар — он пробирался под доспехи, заставлял кожу гореть. Их взгляды встретились на мгновение. Только на мгновение. Но этого хватило, чтобы мир снова стал настоящим, а не картонным, как эти дворцовые декорации. «Не смотри на меня так, — казалось, говорила она одними глазами. — Если ты будешь смотреть, я не смогу дышать». И он отвернулся. Церемония длилась невыносимо долго. Прозвучали приветствия, были произнесены ритуальные фразы, поднесены дары. Николас отвечал, когда требовалось, кивал, улыбался, где это было нужно. Внутри же всё сжималось в тугой узел. Он чувствовал на себе взгляд Джудит — не настойчивый, но такой тяжёлый, будто она пыталась передать ему без слов всё, что нельзя было сказать вслух. Когда официальные церемонии наконец закончились, воздух будто стал легче. Гости начали расходиться по саду, разбиваться на группы, обсуждать союзы и земли. Николас воспользовался сумато-

хой и скользнул вдоль стены, туда, где старые конюшни прятались в тени парка. Это было их место — тихое, забытое, пахнущее сеном и пылью. Место, где они могли быть просто Джудит и Николасом, а не наследниками великих домов. Она пришла почти сразу, будто знала, что он будет ждать. Остановилась в дверях, тяжело дыша, словно бежала всю дорогу. — Они хотят обручить тебя с Реймисс, — сказала Джудит, не спрашивая, а утверждая. Её пальцы сжимали поводья, будто она пыталась удержать не лошадь, а саму судьбу. Николас подошёл ближе, но не решился коснуться её. — Да, — тихо ответил он. — А тебя — с Анастасиусом Экхартом. Это решено. Она резко подняла голову, и в её глазах вспыхнул тот самый огонь, который он так любил и так боялся. — Решено кем? Твоим отцом? Моим? Или теми, кто думает, что может распоряжаться нашими жизнями, как фигурами на доске? — Нашей империей, — поправил он, и теперь в его голосе звучала не просто твёрдость, а тяжесть титула кронпринца. — Я не просто Николас, Джудит. Я — Регулус, наследник престола. Каждое моё слово, каждый мой шаг — это уже не только моя судьба. Это судьба тысяч людей. Джудит сжала кулаки, и на миг в её лице мелькнуло что-то горькое — не обида, а понимание. Она знала, каково это — нести на плечах груз имени. Её дом веками служил империи, платя за это кровью и пеплом. — Значит, ты выбираешь империю, — проговорила она, и голос её стал ровным, почти ледяным. — Я не выбираю, — перебил он, наконец позволяя себе показать хоть каплю отчаяния. — Мне не дают права выбирать. Но я обещаю тебе одну вещь: что бы ни случилось, я никогда не стану лгать тебе. Даже если весь мир потребует от меня притворяться. Она опустила взгляд, будто проверяя, выдержит ли сердце эту правду. — Драконы не терпят лжи, — прошептала она. — Они чувствуют, когда сердце разрывается на части. Вдалеке раздался низкий, протяжный рёв — Вхагар подавал голос, чувствуя настроение хозяйки. Звук прокатился по долине, заставляя дрожать стёкла в окнах дворца. Джудит закрыла глаза, словно пытаясь удержать слёзы. Николас всё-таки коснулся её руки — только на миг, только чтобы почувствовать, что она настоящая. — Тогда пусть они слышат правду, — сказал он тихо. — Пусть знают, что есть одна вещь, которую империя не сможет купить и не сможет запретить. Они стояли так, пока солнце не скрылось за горами, и тени не стали длиннее, чем их надежды. А когда вернулись во дворец, каждый пошёл своей дорогой — но оба знали: между ними уже завязался узел, который не развязать никакими брачными договорами. И чем выше поднималась корона над головой Николаса, тем крепче становилась эта невидимая связь, которую никто не имел права признать. Уже в коридоре, перед тем как разойтись в разные стороны, Джудит вдруг остановилась и тихо спросила: — А если я откажусь? Если скажу отцу, что не выйду за Анастасиуса? Что тогда будет? Николас замер, чувствуя, как от этих слов у него сжимается сердце. Он знал, что стоит за этим вопросом: не просто бунт, а готовность бросить вызов всему порядку империи. Тогда твой отец назовёт это изменой долгу, — ответил он, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё кричало от боли. — А мой отец скажет, что мы оба забыли, кто мы есть. И тогда... тогда нас просто разъедят так далеко, что даже Вхагар не сможет долететь. Джудит долго смотрела на него, будто пытаясь запомнить каждую черту. Потом кивнула, словно принимая приговор. — Я поняла, — сказала она тихо и пошла прочь, не оглядываясь. А Николас остался стоять в полумраке коридора, чувствуя, как тяжесть короны, которой у него ещё не было, уже давит на плечи невыносимым грузом.

Глава 2

«Тишина, которая кричит»

Джудит не помнила, как добралась до своих покоев. Казалось, ноги сами несли её по знакомым коридорам, мимо гобеленов с вышитыми драконами, мимо стражников, застывших, словно каменные изваяния. Она не видела их лиц — перед глазами стояло лицо Николаса: твёрдое, обречённое, будто он уже надел корону и она тут же стала ему слишком тяжёлой. Когда дверь наконец закрылась за ней, отрезав от всего дворца, Джудит прислонилась к ней спиной и медленно сползла вниз, пока не оказалась на полу. Только тогда она позволила себе выдохнуть. И сразу же из груди вырвался тихий, сдавленный всхлип — такой слабый, что его не услышал бы даже Вхагар, если бы был рядом. Но Вхагар остался на дальнем дворе: драконы не любят дворцовых стен, они чувствуют в них ложь. В комнате было тихо. Слишком тихо. Раньше эта тишина казалась Джудит уютной — как шёпот старых стен, помнивших ещё её мать. Теперь она давила, звенела в ушах, будто предвещала беду. Она обхватила колени руками, пытаясь унять дрожь, но та шла откуда-то изнутри, из самого сердца. Слова Николаса снова и снова прокручивались в голове: «Мне не дают права выбирать». И самое страшное было не в том, что он смирился, а в том, что в его голосе не было ни капли надежды. «А если я откажусь?» — спросила она тогда в коридоре. И он ответил так честно, что от этой честности хотелось кричать: «Тогда нас просто разъединят так далеко, что даже Вхагар не сможет долететь». Джудит закрыла глаза, но перед внутренним взором тут же вставала другая картина: она, стоящая рядом с Анастасиусом Экхартом, в парадном платье, с холодной улыбкой на губах. И Николас рядом с Реймисс — такой же отстранённый, такой же правильный. А между ними — стена из договоров, клятв и имперских печатей, которую не пробить даже драконьим огнём. Она поднялась, подошла к окну и распахнула створки. Ночной воздух ворвался внутрь, пахнувший дождём и дымом костров. Где-то далеко, на краю дворцовых земель, Вхагар подал голос — низкий, протяжный рёв, который всегда означал одно: он чувствует, что с его всадницей что-то не так. Джудит тихо позвала его, и через несколько мгновений тень пронеслась над башнями, на секунду заслонив звёзды. — Я здесь, — прошептала она, протягивая руку, хотя дракон не мог её коснуться. — Я просто... немного сломалась. Вхагар снова взмахнул крыльями, будто хотел сказать: «Ты не должна ломаться. Ты — моя всадница». И от этого простого, звериного укора Джудит вдруг стало легче. Драконы не знают про политические браки, про долг перед домом, про то, как правильно распоряжаться чужими судьбами. Для Вхагара всё было просто: есть всадник, есть верность, есть огонь, который сжигает всё лишнее. Но даже его пламя не могло согреть то место внутри неё, которое теперь казалось выжженным. Следующие дни слились для Джудит в один серый поток. Утренние тренировки с братьями, обязательные уроки по истории домов, бесконечные примерки платьев, которые, как ей казалось, были сшиты не для неё, а для какой-то другой девушки — той, что готова была спокойно принять свою судьбу. Джудит кивала, отвечала, когда к ней обращались, улыбалась, когда этого ждали. Но внутри неё будто что-то замерло, как река под первым льдом. И именно в этом оцепенении она впервые заметила перемены. Сначала это было что-то едва уловимое — лёгкая тошнота по утрам, от которой даже запах любимых медовых лепёшек вызывал желание отвернуться. Джудит списала это на усталость, на напряжение после смотрин, на то, что слишком долго стояла на ветру. Потом пришла чувствительность — такая острая, что даже тонкая ткань рубашки казалась колючей. Она ловила себя на том, что невольно одёргивает платье, будто пытаясь защитить себя от собственных ощущений. Маргарет, заметив это, тихо спросила: — Ты не заболела? Ты какая-то... другая. Джудит только покачала головой и улыбнулась, стараясь, чтобы улыбка выглядела

настоящей:— Просто устала. Не обращай внимания. Но самой себе она уже не могла врать так легко. Ещё через несколько дней к этим мелочам прибавилось что-то более тревожное: её тело будто стало чужим. Усталость накатывала внезапно, как шторм, заставляя опускаться на скамью прямо посреди коридора, пока мир на несколько мгновений не переставал кружиться. А потом, когда она возвращалась в свои покои и снимала платье, в отражении зеркала ей чудилось, что даже её осанка изменилась — будто плечи стали чуть тяжелее, а взгляд — глубже, как у женщины, которая знает что-то, чего не должна знать в семнадцать лет. Однажды вечером, когда луна висела над дворцом, как серебряный клинок, Джудит сидела у окна и смотрела, как тени ползут по каменным плитам. В комнате было темно, только слабый свет луны ложился на пол холодным узором. Она обхватила себя руками, пытаясь унять внезапный озноб, и вдруг поняла: месячные не пришли. Это осознание ударило не сразу, а как-то странно — медленно, словно волна, которая сначала лишь слегка касается ног, а потом вдруг накрывает с головой. Джудит замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается в узел. Она начала считать дни, перебирать в памяти последние недели, и чем больше считала, тем холоднее становилось у неё на душе. Нет, это не могло быть ошибкой. Не в её случае. Она встала и подошла к зеркалу, вглядываясь в своё отражение, будто надеясь увидеть там ответ. Лицо было прежним: те же упрямые скулы, тот же прямой нос, тот же взгляд, в котором всегда читался вызов. Но теперь в нём появилось что-то новое — не страх, нет. Скорее, решимость, которая рождается там, где уже нечего терять. Ребёнок. Её и Николаса. Эта мысль не пугала её. Наоборот, она вдруг показалась единственной настоящей вещью во всём этом дворце из лжи и обещаний. Крошечная жизнь, которая не знала ни про брачные договоры, ни про политические союзы, ни про то, что их с Николасом любовь должна была стать жертвой имперского долга. Но вместе с этим пришла и другая, гораздо более тяжёлая мысль: что она будет делать дальше? Как скрыть это? Как защитить его — или её? Джудит подошла к окну, открыла створку и тихо позвала:— Вхагар. Через мгновение над крышей мелькнула огромная тень, и воздух наполнился запахом дыма и грозы. Дракон опустился на площадку рядом с башней, осторожно, чтобы не задеть каменные зубцы. Его глаза, похожие на расплавленное золото, внимательно смотрели на неё.— Мне страшно, — призналась Джудит, кладя ладонь на тёплую чешую. Вхагар тихо фыркнул, выпуская тонкую струйку дыма, и прижался к ней головой, будто хотел забрать её страх себе. — Но я не сдамся. Обещаю. Она закрыла глаза, вдыхая запах дракона — запах свободы, силы и огня. И в этот момент она поняла: она не станет прятаться. Не станет делать вид, что ничего не происходит. Пусть империя строит свои планы, пусть отец говорит о долге, пусть весь мир считает, что её судьба уже решена. У неё теперь есть другая клятва. Более древняя, чем любые договоры. Клятва матери. И она будет защищать её до последнего вздоха.

Глава 3

«Белое платье и тишина»

Месяц тянулся, как раскалённая проволока, обжигая каждый день. Джудит научилась носить свою тайну так, будто это был ещё один слой одежды — тяжёлый, неудобный, но необходимый. Она улыбалась, когда от неё ждали улыбки, кивала, когда требовали согласия, и ни разу не позволила себе дрогнуть перед взглядом отца. Эрмунд видел в ней лишь достойную наследницу дома Хайтауэр — гордую, сдержанную, готовую исполнить долг. Он и представить не мог, что под этой бронёй прячется страх, смешанный с тихой, упрямой надеждой. День свадьбы выдался обманчиво прекрасным: небо было чистым, солнце лилось сквозь витражи, рассыпаясь цветными пятнами по каменным плитам. В воздухе пахло свежими цветами и воском — запахом торжеств, обещаний и окончаний. Джудит стояла перед зеркалом, пока служанки застёгивали на ней свадебное платье: белоснежное, тяжёлое от жемчуга и серебряной вышивки, оно делало её похожей на статую — прекрасную, неподвижную, холодную. Маргарет сидела на краю кровати, сжимая в руках маленький шёлковый платок. Её глаза были красными от слёз, которые она старалась прятать. — Ты такая красивая, Джудит, — прошептала она, поднимая взгляд. — Словно принцесса из старой сказки. Джудит попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой, будто треснувшее стекло. — Спасибо, Марг. Только в сказках принцессы сами выбирают, за кого выходить замуж. Маргарет хотела что-то добавить, но в дверь постучали, и в комнату вошёл Эрмунд. Он остановился на пороге, высокий и прямой, в парадных доспехах, и на миг в его глазах мелькнуло что-то похожее на нежность — но тут же исчезло, сменившись привычной суровостью. — Пора, — коротко произнёс он. — Анастасиус ждёт. Джудит кивнула, не в силах выдать ни слова. Она взяла отца под руку, и они пошли по длинным коридорам, где каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. В главном зале всё было готово к церемонии. Толпа замерла, когда Джудит появилась в дверях. Анастасиус Экхарт стоял у алтаря — спокойный, собранный, с лицом, будто высеченным из мрамора. Он смотрел на неё без страсти, но с уважением, как на равную, как на часть великого союза. А чуть в стороне, у колонны, стоял Николас. Кронпринц. Наследник империи. В парадном мундире, с жёсткой осанкой, с лицом, закрытым маской придворной вежливости. Но Джудит знала его слишком хорошо. Она видела, как напряглись его плечи, как на секунду сжались кулаки, прежде чем он снова взял себя в руки. Церемония текла, как река по чужому руслу: слова лились, клятвы звучали, гости кивали, одобряя союз двух великих домов. Джудит повторяла нужные фразы, чувствуя, как белое платье становится всё тяжелее, будто наливалось свинцом. Её голос звучал ровно, но внутри всё кричало. Когда настал момент, когда от неё ждали главного слова — того самого «согласна», которое навсегда перечеркнуло бы её прежнюю жизнь, — она вдруг остановилась. Не на секунду. На целую вечность. Зал замер, будто даже воздух перестал двигаться. Анастасиус слегка наклонил голову, будто спрашивая: «Что-то не так?». Эрмунд напрягся, его пальцы впились в край алтаря. А Николас... Николас сделал едва заметный шаг вперёд, будто хотел броситься к ней, но тут же остановился, понимая, что не имеет права. И тогда Джудит тихо прошептала: — Простите. Мне нужно... мне нужно на минуту выйти. Голова закружилась. Никто не успел возразить — она уже развернулась и пошла прочь, почти побежала, пока ноги не вынесли её в тихий боковой коридор, где не было ни стражи, ни любопытных глаз. Николас появился почти сразу. Он не шёл — он мчался, будто боялся, что если задержится хоть на мгновение, она исчезнет навсегда. Остановился напротив неё, тяжело дыша, и в его взгляде читалась вся боль мира. — Джудит... — он не знал, что сказать, и оттого голос звучал хрипло, будто слова застревали в горле. — Ты не можешь так просто уйти. Отец уже смотрит на меня

так, будто я во всём виноват. Она подняла на него глаза, и в них не было слёз — только решимость, острая, как лезвие. — Я не могу сказать «согласна», Николас, — проговорила она тихо, но твёрдо. — Не потому, что я не понимаю долга. Не потому, что не уважаю Анастасиуса. А потому что... Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, как мир вокруг становится хрупким, как стекло. — Потому что я ношу твоего ребёнка. Тишина, которая повисла между ними, была не просто отсутствием звука. Это была пустота, в которую провалилось всё: страхи, надежды, планы на будущее. Николас пошатнулся, будто его ударили. Он смотрел на Джудит, не веря своим ушам, и в этом взгляде было всё: шок, боль, страх и... проблеск чего-то похожего на надежду. — Что... — прошептал он, и голос его дрогнул. — Что ты сказала? — Я беременна, Николас, — повторила она, теперь уже без дрожи, глядя ему прямо в глаза. — Это правда. И я не стану прятать это. Но я не хочу, чтобы об этом узнал кто-то ещё. Не сейчас. Не здесь. Пусть этот зал, эти клятвы, эти люди думают, что всё идёт по плану. Но ты должен знать. Ты имеешь право знать. Он шагнул к ней, хотел обнять, но остановился в полushаге, будто боялся сломать её одним прикосновением. — Почему ты не сказала раньше? — спросил он тихо, и в голосе его слышалась не обида, а отчаяние человека, который слишком поздно понял, что должен был защитить самое дорогое. — Потому что не знала, как, — ответила она честно. — Потому что боялась, что если скажу, ты сделаешь что-то безрассудное. А империя этого не прощает. И потому что... я хотела дать тебе шанс жить так, как тебе положено. Как кронпринцу. Николас закрыл глаза, будто пытаясь удержать внутри бурю, которая рвалась наружу. — Нет, — проговорил он наконец, и в голосе его зазвучала сталь, которой раньше не было. — Я не хочу такого шанса. Не ценой тебя. Не ценой нашего ребёнка. Джудит покачала головой, стараясь сохранить остатки спокойствия. — Сейчас ты ничего не можешь сделать. Если ты скажешь хоть слово, если попытаешься остановить церемонию, это будет бунт. А я не хочу, чтобы из-за меня ты потерял корону. Или жизнь. — Тогда что ты хочешь? — спросил он, глядя на неё так, будто она была единственной точкой опоры в рушащемся мире. — Хочу, чтобы ты просто знал, — ответила Джудит, и впервые за весь день её голос дрогнул. — Хочу, чтобы где-то в этом дворце был хотя бы один человек, который знает правду. И который не станет меня осуждать. Николас медленно протянул руку и осторожно коснулся её пальцев — только на миг, только чтобы почувствовать, что она настоящая. — Я знаю, — тихо произнёс он. — И я никогда не стану тебя осуждать. Что бы ни случилось, Джудит. Я буду рядом. Даже если смогу быть рядом только в мыслях. Даже если мне придётся стоять у колонны и смотреть, как ты говоришь «согласна» другому мужчине. Она закрыла глаза, чувствуя, как по щеке скатывается одна-единственная слеза — та, которую она не смогла удержать. — Спасибо, — прошептала она. — Этого достаточно. Они постояли так ещё несколько мгновений, пока коридор не наполнился далёкими голосами — кто-то уже шёл искать невесту. Джудит глубоко вздохнула, выпрямила спину и отпустила руку Николаса. — Мне пора, — сказала она тихо. — Они будут искать. И если увидят нас вместе... Он кивнул, не пытаясь её удержать. — Иди. А я... я буду здесь. И когда всё закончится, мы придумаем, что делать дальше. Обещаю. Джудит ещё раз посмотрела на него — так, будто хотела запомнить каждую черту, каждый оттенок его взгляда. Потом повернулась и пошла обратно, туда, где её ждали алтарь, Анастасиус и целая империя, которая хотела решить за неё, какой будет её жизнь. Но теперь она знала: где-то рядом есть человек, который знает её тайну. И это знание было как тонкий луч света в тёмном коридоре — недостаточно, чтобы разогнать мрак, но достаточно, чтобы не потерять дорогу.

Глава 4

«День, когда мир стал тише»

Девять месяцев. Для Джудит они сложились не в плавное течение времени, а в череду долгих ночей и коротких дней, наполненных тревогой и упрямой надеждой. Она научилась прятать свой живот за широкими накидками, опускать глаза, когда отец слишком пристально на неё смотрел, и улыбаться, когда придворные шептались, что срок родов будто бы наступил слишком рано. И правда: ребёнок должен был родиться на месяц позже. Но никто не знал настоящей даты зачатия. И потому все, едва увидев её округлившиеся формы, тут же заговорили о недоношенности — с сочувственными взглядами, с осторожными советами, с тихими перешёптываниями за спиной. Только Анастасиус не шептался. Он не подошёл к ней в день свадьбы, не произнёс ни слова упрёка, но и не отвернулся. А потом, спустя несколько недель, когда Джудит уже почти перестала замечать его присутствие в этом дворце, он вдруг появился у дверей её покоев с маленькой резной шкатулкой в руках. — Это принадлежало моей матери, — тихо сказал он, протягивая шкатулку. — Говорят, она держала её у изголовья, когда ждала меня. Говорят, это помогало ей не бояться. Джудит посмотрела на него с недоверием, смешанным с благодарностью. — Зачем ты это делаешь? — спросила она, не скрывая горечи. — Я сломала твой союз. Я... Анастасиус мягко перебил её: — Ты не сломала ничего, чего нельзя было бы построить заново. А ребёнок... он ни в чём не виноват. И если ему суждено прийти в этот мир чуть раньше, чем планировали звёзды, он всё равно достоин того, чтобы его ждали. С того дня Анастасиус стал приходить. Не часто. Не навязчиво. Он не пытался занять место отца — он просто был рядом, когда Джудит становилось страшно. Он слушал, как ребёнок шевелится, и улыбался, будто слышал в этом движении целую историю. Он приносил ей тёплые одеяла, когда её бил озноб, и уводил прочь любопытных служанок, если те начинали суетиться слишком громко. И постепенно Джудит перестала видеть в нём врага. Он стал тем, кто не требовал от неё ничего, кроме одного — позволить ему быть добрым к её ребёнку. А в это время в другой части империи, в столице, где двор жил по своим, более холодным законам, Николас и Реймисс стояли перед алтарём. Их союз не был союзом сердец, но он был союзом долга и чести. Реймисс смотрела на Николаса спокойно, без страсти, но с уважением — так смотрят на человека, который несёт на плечах слишком тяжёлый груз. Они не стали близкими друзьями, но научились слышать друг друга. И когда однажды вечером Реймисс тихо призналась, что ждёт ребёнка, Николас не вздрогнул, не отвёл взгляда. Он просто взял её руку и сказал: — Мы сделаем всё, чтобы он вырос в мире, где не придётся выбирать между любовью и долгом. Реймисс улыбнулась — слабо, но искренне. — Спасибо, — прошептала она. — Этого достаточно. --- В тот день, когда начались схватки, Джудит проснулась от ощущения, будто весь мир сжался до одной-единственной точки боли. Она не закричала. Не позвала на помощь сразу. Сначала она просто лежала, прислушиваясь к себе, к ребёнку, который будто пытался сказать ей: *«Мы справимся»*. Потом она позвала Маргарет. Сестра вбежала в покои, бледная, с расширенными от ужаса глазами. — Всё хорошо, — проговорила Джудит сквозь стиснутые зубы, хотя ничего хорошего не было. — Просто... время пришло. Позови повитуху. И... и Анастасиуса. Маргарет замерла. — Анастасиуса? Но зачем? — Потому что он уже любит этого ребёнка, — ответила Джудит, и в её голосе прозвучала странная, почти священная уверенность. — И сейчас мне нужно, чтобы кто-то любил его просто так. Без условий. Повитуха пришла быстро — строгая женщина с твёрдыми руками и спокойным голосом. Она осмотрела Джудит, кивнула, будто подтверждая то, что и так было ясно, и тут же начала отдавать приказы. А чуть позже в дверях появился Анастасиус. Он остановился на пороге, не решаясь войти, будто боялся нарушить

хрупкий порядок, который повитуха только что навела. — Можно? — тихо спросил он. Повитуха подняла на него строгий взгляд. — Если будете делать, что скажу, и не будете мешать — можно. Он кивнул и вошёл, сел у изголовья кровати, взял Джудит за руку — не крепко, а едва касаясь, будто она была из стекла. — Я здесь, — сказал он просто. — И я никуда не уйду. Джудит закрыла глаза, чувствуя, как от этих слов становится чуть легче дышать. Часы тянулись, как вечность. Боль накатывала волнами, уносила её куда-то далеко, а потом возвращала обратно, в тёплую, душную комнату, где пахло травами и дымом. Джудит сжимала руку Анастасиуса так сильно, что, наверное, оставляла на ней следы, но он не жаловался. Он шептал что-то спокойное, что-то про ветер, про горы, про то, как далеко отсюда, на севере, сейчас цветёт вереск. И вдруг всё изменилось. Мир стал тише, а потом — напротив, наполнился звуком: тонким, дрожащим криком, который разрезал тишину, как лезвие. Ребёнок родился. Маленький, хрупкий, но живой. Повитуха завернула его в тёплое одеяло, поднесла к Джудит. — Мальчик, — сказала она коротко, но в её голосе слышалась улыбка. — Крепкий. Для «недоношенного» — очень крепкий. Джудит прижала его к себе, и слёзы, которых она так долго не позволяла себе лить, наконец покатались по щекам. — Здравствуй, — прошептала она, касаясь пальцем его крошечного носа. — Прости, что тебе пришлось прийти в такой мир. Но я обещаю: я буду защищать тебя. Каждый день. Каждую секунду. Анастасиус стоял рядом, глядя на ребёнка так, будто видел перед собой не просто младенца, а целую вселенную. Он протянул руку, осторожно коснулся его пальцев — совсем крошечных, почти невесомых. — Он красивый, — тихо произнёс он, и голос его дрогнул. — Очень красивый. Джудит подняла на него глаза, полные благодарности и усталости. — Спасибо тебе, — сказала она. — За то, что ты был здесь. За то, что не отвернулся. Он покачал головой. — Не благодари. Просто... позволь мне быть рядом. Не как отцу. А как тому, кто хочет, чтобы у него всё было хорошо. В этот момент дверь тихо приоткрылась, и на пороге появилась Маргарет с маленьким серебряным амулетом в руках — тем самым, который когда-то принадлежал их матери. — Мама бы хотела, чтобы он был у него, — прошептала она, протягивая амулет Джудит. Та взяла его дрожащими пальцами и осторожно повесила на тонкую ленточку, которую повязала на шею сыну. — Пусть он хранит тебя, — проговорила она тихо. Где-то далеко, за стенами дворца, раздался низкий, протяжный рёв. Вхагар почувствовал, что его всадница пережила самое страшное. И теперь он ждал, когда она выйдет к нему — чтобы вместе встретить новый день. А в столице, в другом дворце, Реймисс проснулась среди ночи от странного чувства: будто что-то изменилось в самом воздухе. Она села на кровати, приложила руку к животу, и вдруг почувствовала, как ребёнок толкнулся изнутри — сильно, уверенно, словно хотел сказать: *«Я здесь»*. Рядом, не шевелясь, лежал Николас. Он тоже не спал. — Что-то случилось, — тихо сказала Реймисс, не спрашивая, а утверждая. Николас медленно кивнул. Он не знал, откуда у него эта уверенность, но чувствовал: где-то в мире только что зажглась новая жизнь. И эта жизнь была связана с ним невидимой нитью, которую нельзя было разорвать ни договорами, ни коронами, ни расстояниями. — Да, — ответил он наконец. — Что-то случилось. И теперь всё будет по-другому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.